

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

С.И. Лучицкая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА
В *CHANSONS DE GESTE* XII–XIII вв.

УДК 94(4).375/.1492

В статье реконструируются представления о предательстве и образ предателя по произведениям французского героического эпоса. Автор анализирует способы изображения предателей в *chansons de geste* XII–XIII вв. Ее интересует, каковы признаки и функции предателей в изображении средневековых памятников, цели и мотивы измены, образ действий предателей и какие социальные условия благоприятствуют их деятельности. Анализ понятия раскрывает особенности феодального социального порядка, в основе которого – вассальные, родственные и религиозные связи – именно этим связям угрожают предатели и изменники.

Ключевые слова: измена, предательство, феодальное общество, вассальные отношения, семейно-брачные отношения, средневековая мораль, средневековое право, судебный поединок, французский героический эпос, иноверцы

Key words: Treason, treachery, feudal society, lord vassal relationship, family and marriage relationships, medieval ethics, medieval law, judgment of God, Old French epics, gentiles

Понятие предательства в Средние века, о котором пойдет речь в этой статье, может скрывать самые разные виды реальности. Оно вписывается в систему представлений эпохи и может быть интерпретировано по-разному в зависимости от того или иного контекста – правового, политического, религиозного.

Размышляя о характерном для средневековой Западной Европы виде предательства, мы, наверное, прежде всего вспомним о вассале, который нарушает клятву верности и отказывается служить своему сеньору. В соответствии с такими представлениями о Средневековье предатель в этом обществе – тот, кто нарушает вассальные обязательства, не соблюдает принцип верности сюзерену, и, наконец, тот, кто осмеливается брать оружие и восставать против своего сеньора. В эпоху Средневековья предательство чаще всего, особенно в литературе, ассоциировалось с подобным актом неверности. Это не случайно. Ведь средневековый социальный порядок зиждится на верности (*fidelitas*), понимаемой в ши-

роком смысле как верность данному слову, данному обещанию, взятым на себя личным обязательствам (как, например, в обряде оммажа – принесения вассальной присяги сеньору). Социальные отношения в Средние века – это преимущественно договорные отношения, которые очень часто скреплялись различными клятвами верности. Потому понятие верности (*fides, fidelitas*) является едва ли не центральным для системы ценностей этого общества, а нарушение принципа личной верности рассматривается как тягчайший проступок. Лишь с XII в., когда начинает укрепляться королевская власть, предательство часто принимает форму *crimen laese majestatis* – оскорбления величия власти правителя, ее сакральной природы, и тогда понятие предательства насыщается новым содержанием, затрагивая сферу не только личных, но и преимущественно публичных отношений¹.

Если от политики обратиться к сфере семейных, межличностных отношений, то мы увидим, что под предательством в ту эпоху (как, собственно, и в наше время) часто понимается либо неверность супруги или супруга, либо враждебность детей по отношению к родителям, а также братьев и сестер по отношению друг к другу².

Еще одно измерение понятия предательства – религиозное. Средневековое западноевропейское общество – это прежде всего община христиан, и разрыв непосредственной связи между Богом и людьми рассматривается в системе средневековых представлений как измена. В этом смысле предатели – это те, кто отрекаются от христианства: например, еретики и вообще все нехристи, включая сарацин и иудеев; все они *perfidis*³ – вероломные, вероотступники. В средневековой культуре вероотступничество считается наиболее тяжким видом предательства.

Описания всех перечисленных видов предательства встречаются нам в самых разных средневековых источниках, будь то правовые своды или литературные памятники, хроники или сочинения церковных авторов.

* * *

Цель настоящей статьи – попытаться реконструировать представления о предательстве и образ предателей по произведениям французского героического эпоса – *chansons de geste* XII–XIII вв. Именно в этом эпосе наиболее полно и адекватно отразились представления рыцарства о самом себе и присущие рыцарскому обществу понятия верности и неверности, предательства.

Какие же эпические памятники стоит привлечь для изучения этой темы? Хорошо известно, что об измене вассалов сеньору много говорится в *chansons de geste* цикла “о мятежных баронах”, или “цикла о Дооне де Майенс” (“Рено де Монтобан”, “Рауль де Камбрэ”) – именно в этих песнях описаны ситуации, когда непокорные феодалы бросают вызов авторитету королевской власти и вступают в открытую борьбу с Карлом. Казалось бы, песни этого цикла более всего подходят для цели нашего исследования. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что конфликты, возникающие между сеньором и его вассалами в этом цикле, не всегда можно однозначно рассматривать как случаи предательства. Часто в этих *chansons de geste* мятежные вассалы хотя и выступают против своих сеньоров, но все же, как явствует из эпоса, у них есть основания начать противоборство, поскольку принципы вассальных отношений (а они, как уже говорилось, строятся на принципе взаимности) первым нарушает зачастую сам сеньор. В этих литературных памятниках поэтов и их аудиторию волнует не столько феномен предательства, сколько другая проблема: до каких пределов можно терпеть несправедливость и неблагодарность сеньора, где проходит зыбкая грань между принципами вассального долга, преданностью сюзерену и чувством личного достоинства⁴. Может быть, именно поэтому немецкий литературовед М. Хайнце в своей книге о французском эпосе XII–XIV вв. (“Король, герой и род”) предложил называть героев этих произведений жесты Доона де Майенс не предателями (*Verräter*), а бунтовщиками (*Empörer*)⁵. Меня же интересуют более жесткие ситуации предательства, которые раскрываются на страницах других *chansons de geste*, в основном “жесты Роланда” и “жесты Гильома”.

Я попытаюсь рассмотреть, как феномен предательства интерпретировали средневековые поэты. В фокусе моего внимания будут песни из различных циклов *chansons de geste* конца XII – начала XIV в.: цикла “Королевской жесты” – “Песнь о Роланде” (конец XI в.), “Гейдон” (первая треть XIII в.), “Фьерабрас” (конец XII в.), “Макэр” (конец XIII в.), “Взятие Памплоны” (середина XII в.), “Вступление в Испанию” (середина XII в.), “Берта Большеногая” (вторая половина XIII в.); цикла “Жесты Гильома” – “Коронование Людовика” (первая треть XII в.), “Нимская телега” (первая половина XII в.), а также *chansons de geste* других циклов – “жесты Нантейля” (“Айя Авиньонская” – конец XII – начало XIII в.), жесты Доона де Майенс (“Гофрей” – XIII в.), “Герцо-

гиня Париз” (вторая половина XIII в.), “Гуон Бордосский” (конец XII – нач. XIII в.) и песнь “Айоль” (конец XII–XIII в.) из автономного цикла⁶. Поскольку речь идет о песнях, записанных на протяжении довольно длительного периода времени – от конца XI до начала XIV в., – то в принципе есть возможность проследить эволюцию представлений о предательстве.

Парадоксальным образом тема предательства не привлекла должного внимания историков и литературоведов. Историки, как правило, ограничиваются анализом правовых аспектов этой темы – литературоведы занимаются анализом художественной формы *chansons de geste*. Предательство же как моральная категория еще не стало предметом анализа. Между тем огромный пласт средневекового эпоса, посвященный именно этой теме, остается не изученным на этот предмет. Существует лишь одна статья С. Хофера, опубликованная еще в позапрошлом веке, в которой немецкий историк литературы попытался исследовать мотив предательства в старофранцузском эпосе⁷. Небольшую заметку о правовых аспектах темы опубликовал французский исследователь А. Дессо⁸. На тему предательства в *chansons de geste* обратил внимание М. Хайнце в своей уже упомянутой книге⁹. В общем, тема предательства еще ждет своего исследователя, а в этой статье я лишь попытаюсь очертить круг вопросов, которые следует задавать средневековым памятникам. Меня интересует, как описывают средневековые авторы предательство и как рисуют предателей; каковы, так сказать, признаки и функции предателей в изображении средневековых эпических памятников; каковы цели и мотивы их действий, какие социальные условия благоприятствуют их деятельности, каков их образ действия; как в целом изменяются средневековые представления о предательстве и предателях с течением времени. Ответив или попытавшись дать ответы на все эти вопросы, я надеюсь уяснить специфику средневековых представлений о предательстве, отраженных во французском героическом эпосе.

* * *

Предатели – неизменные персонажи *chansons de geste* перечисленных циклов. Их так и называют – предателями, и более того – они сами так себя называют при первом появлении в текстах песен. Слова “предательство”, “измена” (*traïsson, trayson*), “предатель” (*traïtor, traître*)¹⁰ не сходят со страниц эпических произведений¹¹. Иногда слово “предатель” встречается с другими

словами – “враг”, “предатель-враг” (*traïtor anemi*)¹² или же соседствует со словами “подлец” (*cuivert, glouton*), “ренегат” (*renoiez*), “ублюдок” (*fuuls à putain*)¹³. Примечательно, что наиболее точным определением к словам, обозначающим предателя, является слово “*fel*”, “*felon*” (неверный)¹⁴ – термин, зачастую употреблявшийся в праве для характеристики поведения, нарушающего принципы вассальных обязательств¹⁵.

Главный эпический персонаж, давший некий образец предательского поведения – это, конечно, Ганелон из “Песни о Роланде”. Именно он перешел на сторону сарацин и обрек на гибель в Ронсевальском ущелье французский арьергард во главе с Роландом – 12 славных пэров Франции и 20 тысяч рыцарей.

Ганелон оказывается не только моделью предателя, но и прародителем мощного рода. Представители этой династии – Ганелониды, как их называют в эпосе, – подобно возвращающимся персонажам “Человеческой комедии” Бальзака, появляются в разных поэмах – это Арнуа из Орлеана (“Коронование Людовика”), Макэр из Лозанны (“Айоль”, “Макэр”), Грифон д’Отфей, Амори де ла Тур (“Герцогия Париз”, “Айя Авиньонская”, “Гуон Бордосский”) и многие другие. Прародителем же Ганелонидов и предком Ганелона и других предателей выступает во французском героическом эпосе Грифон д’Отфей – герой песни “Гофрей”. Примечательно, что он – один из 12 сыновей Доона де Майенса (мятежного вассала, которому посвящен специальный цикл героических песен) и призван вместе с другими братьями спасти отца и других рыцарей из сарацинского плена, но предпочитает предать интересы христианских рыцарей и фактически перейти на сторону иноверцев. Как говорит один из героев песни, Грифон, хотя и из рода Доона де Майенса, но не похож ни на отца, “ни на мать Фландрин ясноликую – не было у них в роду предателей”¹⁶. Грифону приписываются четыре сына-предателя: Ганелон, Ардрэ, Алори, Тибо д’Аспремон¹⁷. И, как говорится в песни “Гофрей”, многие предатели произошли от старшего из сыновей Грифона – Ганелона: Милон, Обуэн, Пинабель и др. – все они еще не раз встретятся нам на страницах песен¹⁸. Так, в “Айе Авиньонской” Беранже и Самсон – сыновья Ганелона, его племянники – Милон и Обуэн¹⁹; Эрто в “Гейдоне”²⁰, Ансуа в песни “Взятие Памплоны” – потомки Ганелона²¹. Это огромный род (*parentage*). Во “Фьерабрасе” представителей этого рода насчитывается до 1000 – их ведут в бой предатели Макэр, Грифон, Ардрэ и Алори²². В “Гейдоне” говорится, что Ганелонидам несть числа²³.

Это род не только могущественный, но и весьма сплоченный. В “Песни о Роланде” предатели изображаются наделенными большой властью. Судьи боятся родственников Ганелона и поначалу даже предлагают Карлу пощадить предателя²⁴. Император называет их подлецами, а товарищ Роланда по оружию Тьерри – единственный, кто выступает против судий и призывает наказать Ганелона. Когда же предательство последнего доказано, и ему предстоит суд равных, то за него вступается его мощный род. В распоряжение Ганелона отдают 30 заложников, а самый сильный представитель рода – Пинабель из Соранса – соглашается выступить в судебном поединке против Тьерри. “За родичей стоять – мой долг прямой”, – говорит Пинабель²⁵.

В “Песни о Роланде” между предателями и пэрами завязываются те противоречия, которые определяют ход дальнейших действий в других *chansons de geste*. Собственно, содержание некоторых песен (например, “Гейдон” и др.) – это рассказ о том, как родичи казненного Ганелона мстят за него обидчикам. Так, в “Гейдоне” Тибо д’Аспремон мстит как за своего брата Ганелона, сожженного на костре, так и за Пинабеля, и вообще за весь свой “обесчещенный и опозоренный род” (*lingnaige a honi et vergonde*)²⁶. Когда в “Гейдоне”, как и в “Песни о Роланде”, возникает необходимость в судебном поединке, за Ганелонида Тибо ручаются 14 графов²⁷. Они готовы стать заложниками и пожертвовать жизнью ради сородича. Даже смерть, означающая для них вечное проклятие, им не страшна – они находят утешение в том, что и в аду соберутся вместе и будут представлять собой сильное сообщество²⁸.

В роде Ганелонидов выделяются несколько главных предателей. Их всегда 12, как и пэров Франции. Так в “Айе Авиньонской” говорится: “Их было 12 графов, все кузены и родственники”²⁹. В “Герцогине Париз” все представители “рода подлеца Ганелона” поименно перечислены, включая Ардрэ, Алори, Тибо д’Аспремон, Пино, Рожье, Эрвуа де Лион, Пинабеля и др.³⁰ 12 главных вероломных предателей противопоставлены 12 французским пэрам (Роланд, Тьерри (Гейдон), Гофрей, Гуон Бордосский, Ожье Датчанин, Оливье, Жоффруа Анжу, Обри Бургундский и др.), о которых также много говорится в песнях Роландова цикла. Как пэры прославили себя подвигами, так Ганелониды навеки обесчестили себя предательством.

Преступление Ганелона, приведшее к гибели 12 пэров и 20 тысяч рыцарей, всякий раз припоминается, как только появляется

кто-то из Ганелонидов. Например, в “Гейдоне” именно так представлен Тибо д’Аспремон, брат Ганелона: “Это Тибо родившийся в Аспремоне, / Брат Ганелона, о котором вы столько слышали; / Который в Ронсевале предал 12 пэров / И 20 000 вооруженных рыцарей”³¹. Точно так же Ожье Датчанин призывает Карла не верить роду Алори, который предал в Ронсевальском ущелье Роланда и 20 тысяч воинов³². Другой пример: в “Айе Авиньонской” Гарнье припоминает сыну Ганелона Беранжье предательство его отца, и в его рассказе опять фигурируют 12 пэров и 20 тысяч рыцарей³³. Список таких примеров можно продолжить. Ясно одно: предательство Ганелона – родимое пятно на репутации Ганелонидов. Преступление, совершенное Ганелоном, затрагивает всех представителей этой семьи. И в силу этого все они обречены стать предателями, – ведь они “из плохого рода”³⁴ и могут совершать только дурные поступки. Склонность к интригам и предательству у Ганелонидов в крови. В таком портрете потомков Ганелона отражено средневековое представление о том, что дурные качества плохих рыцарей – трусость, склонность к предательству – так же, как доблесть, благородство и другие добродетели, присущие истинным рыцарям, передаются через кровь³⁵.

* * *

В изображении литературных памятников одним из главных признаков предательства является сотрудничество с сарацинами, которое часто приводит даже к вероотступничеству – самому тяжкому греху. Предатели же, как мы можем судить по *chansons de geste*, часто переходят на сторону сарацин, как это сделал и Ганелон, который принес клятву верности королю Марсилию³⁶. На одной из миниатюр он изображен вместе с Марсилием, который в знак зависимости Ганелона и понижения его статуса наступает предателю христиан на ногу. Примечательно, что Ганелон в облике предателя появляется и в других песнях. Так, в песни “Галиен” он также предаёт Роланда и своих товарищей, переходя на сторону врага, и при этом произносит знаменательные слова: “Я сарацин сердцем и душой” (*je sui sarrasin de coeur et de pensé*)³⁷. В другом эпическом произведении – “Взятие Пампоны” – Ганелон стремится причинить вред христианской армии и предлагает сарацинскому королю следующий план: убить рыцаря Гурона, которого сам же Ганелон назначил послом к сарацинам, – его убийство ослабит Карла Великого, и враги христиан смогут этим воспользоваться³⁸. В “Айе Авиньонской” Ганелониды, воюя с ры-

Король Марсилий заключает пакт с Ганелоном.
Миниатюра. Большие Французские хроники

царем Гарнье, принимают сторону сарацинского короля Марсийона и вместе с ним сражаются против своих собратьев по вере³⁹.

Примечательно, что сами сарадины в песнях нередко изображаются предателями. Вероломные (*perfidi*), как они именуются в песнях, они предатели уже в силу того, что не признают христианство. Согласно средневековым представлениям, сарадины, иудеи и прочие нехристи – вассалы Сатаны, который первым предал Бога⁴⁰. Не случайно в эпосе сарадины постоянно обманывают, хитрят, предают. Именно так они изображаются в “Песни о Роланде”. На совете сарацинской знати Бланкарден предлагает хитростью заставить Карла вернуться во Францию, обещав ему перейти в христианство и стать его вассалом. Такой совет дает

королю Марсилию граф Бланкарден: “Довольно нас он разорял войной, / Пора ему вернуться в Ахен вновь. / Скажите, что в Михайлов день святой, / Там примете и вы завет Христов, / И Карлу честным станете слугой”⁴¹. Но все это ложные обещания. На самом деле, сарадины таким образом пытаются заставить Карла покинуть их территорию. Доверчивый император готов выполнить их просьбу и уйти во Францию, но Роланд не верит Марсилию: называя его изменником, он вспоминает случай, когда коварный Марсилиус вел те же речи и даже прислал в знак мира послов с масличными ветвями, а затем жестоко покарал посланцев Карла⁴².

Заметим, что христиане, переходящие на сторону сарацин, ведут себя так же, как иноверцы. Как и сарадины, Ганелониды часто стремятся отвлечь короля от войны за веру, причем в самый разгар успешных действий христианской армии. Такая ситуация обрисована во “Фьерабресе”: Карл, слабый король, призывает предателей – Ганелона, Ардрэ, Грифона д’Отфейя, Алори, Макэр и др. – для совещания с ними и готов им передать корону⁴³. Предатели советуют ему покинуть поле боя и отправиться во Францию. Наиболее красноречив не скрывающий своей радости Ганелон – это он убеждает Карла в том, что тот не сможет завоевать Испанию и победить эмира Балана. Это он предлагает императору вернуться в Аахен, а сам вместе со своими союзниками-предателями обещает продолжить борьбу за Испанию и ее реликвии и отомстить за христиан⁴⁴. Карл поначалу сопротивляется: “Лучше сложить голову, чем отступить”⁴⁵, – говорит он, – но предателям удается убедить его в противном. Только рыцарь Ренье решается выступить против плана отступления и сдачи всех позиций сарацинам. Он призывает императора не верить Ганелонидам⁴⁶. Между ним и Алори завязывается перепалка, во время которой весь род предателей бросается к оружию. Карл умиротворяет участников конфликта и все-таки склоняется к совету отступить – в результате позиции христиан оказываются в существенной степени ослабленными.

Зачастую предатели и сотрудничают с сарацинами, и пытаются им подражать. И все же далеко не всегда возможно поставить знак равенства между сарацинами и предателями. Это подтверждает песнь “Айя Авиньонская”, в которой за богатую наследницу, племянницу Карла Великого, воюют два известных рыцаря. Один из них – уже упомянутый Беранжье, который в результате всех перипетий оказывается на стороне сына сарацинского

короля Марсилия Марсийона⁴⁷, другой – его соперник, сын Доона де Майенс Гарнье⁴⁸, преследуемый Беранжье, вынужден искать поддержки у сарацинского короля Ганора. На протяжении этой *chanson de geste* происходят удивительные метаморфозы: христианский рыцарь Беранжье, совершая ряд неблагоприятных поступков, становится похожим на “классического” сарацина, а мусульманский эмир Ганор постепенно приобретает черты идеального французского рыцаря. Поэт отмечает, что Беранжье, приехав к сарацинам с целью заключения союза против христиан, начинает говорить на сарацинском наречии⁴⁹. Марсийон напоминает ему о дружбе, которая связывала их отцов – Марсилия и Ганелона – и осыпает его дарами, а также обещает выступить против его христианских недругов⁵⁰. Более того, Марсийон называет Беранжье “своим” и ведет с ним куртуазный разговор⁵¹.

А что же Ганор? В начале песни он описан как обычный сарацин. Он принимает Айю, которая ищет его покровительства⁵², изъявляет желание жениться на ней⁵³ и встает на ее защиту. Но, оказывая ей знаки расположения, Ганор все больше становится похож на обычных франков, какими они изображались в героическом эпосе. Выполняя поручение Айи, он совершает путешествие во Францию. Для этого он переодевается франком и без труда выдает себя за жителя Вермандуа, причем со всеми встретившимися ему по пути говорит по-французски⁵⁴. После смерти Гарнье Ганор фактически усыновляет сына Айи и Гарнье – Ги⁵⁵. Последний даже советует матери выйти за Ганора замуж и подробно перечисляет его заслуги⁵⁶. Айя во всеуслышание благодарит Ганора за его покровительство, отмечая, что он в трудной ситуации принял их и вскормил и воспитал ее сына⁵⁷. В конце концов Ганор переходит на сторону христиан и прокликает род Ганелона, называя его предательским (*le felon lignage di conte Ganelon*)⁵⁸. Так что в *chansons de geste* иноверцы нередко оказываются более благородными, чем некоторые христиане, изменяющие своим сюзеренам и членам рыцарской корпорации.

Предатели не только сотрудничают с иноверцами, тем самым предавая интересы христиан. Другой характерный для них способ действий заключается в том, что они всеми силами пытаются вбить клин в отношения между сюзереном и самыми преданными ему вассалами – пэрами Франции: они стремятся удалить их из его окружения и всячески навредить им, изолировать короля. Классические примеры находим опять-таки в “Песни о Роланде”. Так, Ганелон, выдавая пэров сарацинам, ясно понимает, что Карл

тем самым теряет своих лучших полководцев и советчиков. Он сознательно обрекает их на гибель, и даже когда Роланд, оказавшись в беде, трубит в рог, сигнализируя о необходимости помощи, Ганелон уверяет Карла в противном⁵⁹. В “Нимской телеге” предатель Эмон пытается восстановить против императора его верного вассала – Гийома. Последний с несколькими тысячами юных французских рыцарей отправляется на войну с язычниками в Оранж и Ним, а старый Эмон подозревает его в том, что он стремится ослабить королевство и армию, и убеждает короля, что поход Гийома приведет только к разорению воинов и гибели цвета французского рыцарства⁶⁰. В песни “Гейдон” ближайшему вассалу Карла Гейдону⁶¹ желают навредить два “классических” предателя (они еще появятся в других песнях) – Тибо и Алори. Гейдон, как отмечают предатели, – самый близкий советник императора; без него и других близких вассалов Карла, среди которых Алори поминает и герцога Нэма, и рыцаря Ожье Датчанина, и других пэров, в этом королевстве ничего не делается⁶². Они желают устранить Гейдона и других советников Карла и добиться того, чтобы Ожье и Нэма сожгли на костре, а Гейдона четвертовали⁶³. Без них, как справедливо полагают предатели, король не сможет править – умрут пэры, и сам король долго не протянет, и тогда предателям будет легко захватить власть⁶⁴. Именно по этой причине они решают оклеветать и обесчестить Гейдона.

Желая изолировать верных вассалов от короля, предатели часто стремятся возложить на них гибельные миссии. Так, в песни “Фьерабрас” предатели Ганелон и Ардрэ решают послать тяжело раненого Оливье на борьбу с Фьерабрасом, сыном эмира Испании, – великаном трехметрового роста, который только что захватил Рим и христианские реликвии. Предатели питают надежду, что Оливье погибнет в неравной схватке с Фьерабрасом⁶⁵. Карл выступает против их предложений: он хотел бы, чтобы Оливье отдохнул и залечил раны. Но предатели, ссылаясь на правовые постановления, принятые Карлом, добиваются того, чтобы Оливье вступил в неравный бой с Фьерабрасом. В конце концов Карл нехотя соглашается, но предупреждает предателей: если Оливье умрет, то Карл сожжет и повесит Ганелона, а всех его потомков лишит наследства⁶⁶.

В “Гуоне Бордосском” один из “классических” предателей – Амори де ла Тур – старается испортить отношения Карла с двумя вассалами, братьями Гуоном и Жераром – наследниками крупного фьефа в Бордо. Амори плетет подлую интригу, внушая Карлу,

что братья – мятежные вассалы и не желают служить императору⁶⁷. Однако посланный Карлом в Бордо преданный слуга убеждается в обратном. Узнав об этом, обрадованный император желает возвысить братьев, назначив их на посты камергера и гонфалоньера⁶⁸. Увидев, что его планы провалились, Амори начинает действовать через сына Карла Карломана, пытаясь спровоцировать конфликт между ним и братьями. Он внушает Карломану, что Гуон и Жерар желают отобрать у него наследство⁶⁹, и убеждает его устроить рыцарям засаду на подступах к Парижу⁷⁰. В стычке между Гуоном и Карломаном, спровоцированной Амори, сын Карла погибает⁷¹. Это невольное убийство обрекает Гуона на немилость императора и долгие скитания, цель которых – вымолить у Карла прощение.

В песни “Айя из Авиньона” предатели вынашивают план настроить против короля его верного вассала Гарнье. В осуществлении плана участвуют многие представители клана предателей: Беранжье и Алори – братья Ганелона, Милон – брат Беранжье и Омаген – его племянник, Обуэн – сын Пинабеля и др. Как всегда, они действуют сообща. Все они, по словам Омагена, были свидетелями морального падения Гарнье⁷². Когда Гарнье с перечисленными Ганелонидами осаждал Вербри, то, по словам Омагена, будто произнес предательскую речь, в которой назвал короля бесчестным сюзереном, обкрадывающим своих вассалов, и замыслил убить короля⁷³. Ганелониды же якобы ответили Гарнье, что лучше умрут, чем убьют короля⁷⁴. Предателям удается настроить короля против своего вассала, в результате разгорается настоящий конфликт, в который оказываются вовлечены все стороны.

Сложная ситуация предательства обрисована в песни “Айоль”. Один из ее героев – рыцарь Эли из Сен-Жиля, женившийся на сестре Людовика Благочестивого. Из-за злой клеветы известного предателя Макэра из Лозанны Эли был изгнан императором Людовиком из Франции⁷⁵ и обречен на долгие годы странствий вместе со своей семьей. Своего сына Айоля, желающего отправиться во Францию ко двору короля, отец увещевает держаться подальше от Макэра, которого он характеризует как человека “низкого, испорченного и полного зависти”, проявившего “вероломство” и вынудившего Эли покинуть Францию⁷⁶. На протяжении долгого времени Айоль верно служит королю и сражается с сарацинами. Но Макэр все время пытается настроить против него Людовика. Наконец, после одержанных в Памплоне побед Айоль входит в фавор к королю, который обещает ему богатое вознагра-

граждение⁷⁷. Макэр, узнав об этом, снова пытается внушить королю плохое мнение об Айоле. Но на этот раз император с негодованием отвергает клевету Макэра и прямо называет его “ублюдком, предателем, подлецом” (“*fiens a putain, traitres, fel losengiers*”)⁷⁸. К радости своей семьи Айоль восстанавливает доброе имя отца и становится доверенным лицом короля.

* * *

Каковы же причины вероломного поведения предателей? Каковы их цели и мотивы? В “Песни о Роланде” на первый взгляд явная цель Ганелона прежде всего в том, чтобы погубить ненавистного ему Роланда. Сам он считает свои действия не изменой, но именно актом мести. В *chanson de geste* Ганелон произносит знаменательную речь: “При всех Роланду вызов брошен мой, / Его и пэров вызвал я на бой, / Всю нашу ссору видел сам король. / Я только мстил, и нет измены в том”⁷⁹. Но мстя Роланду, он переходит на сторону врагов христиан и клянется, что заманит Роланда в Ронсевальское ущелье с тем, чтобы сарацины легко могли перебить пэров и все их войско. Вот как живо описывает песнь сцену измены: “Слоновой кости там стоял престол, / Кладет Марсилиий книгу на него, / Записан терваганов в ней закон. / Поклялся сарацин на книге той, / Что если в арьергард Роланд пойдет, / Всю рать арабы разом двинут в бой, / Чтоб ускользнуть от смерти граф не мог, / Да будет так! – промолвил Ганелон. / Аой!”⁸⁰. Описанные в этом пассаже действия объективно приведут к прекращению войны за расширение пределов христианского мира (*dilatatio Christianitatis*), и это прекрасно понимает Ганелон. Пока живы такие пэры, как Роланд и Оливье, – говорит предатель, – Карл не уgomонится и будет продолжать войну против язычников⁸¹. В разговоре с Марсилием и Бланкарденем Ганелон рисует новую политику, которая будет проводиться после смерти Роланда: воцарится удобный сарацинам мир, и борьба против неверных прекратится. “Коль сможете Роланда погубить. / Без правой Карл останется руки. / Коль войско пэров истребите вы, / Вновь Карлу не найти бойцов таких. / Во Франции наступит вечный мир”⁸². Таким образом, оказывается, что если амбиции Ганелона будут реализованы, то власть Карла лишается опоры, а христианский мир – своих защитников.

Тема узурпации власти предателями наиболее полно раскрывается в цикле Гильома. В “Короновании Людовика” амбиции предателей совершенно прозрачны. Уже первые строки песни весьма красноречивы, в них описан следующий эпизод: Карл собирает

рыцарей и объявляет им о передаче короны своему 15-летнему сыну Людовику. Предатель Эрнеис пытается хитростью захватить власть – он предлагает назначить себя регентом при малолетнем Людовике, пока тот не подрастет и не “окрепнет телом и умом”; на самом же деле цель Эрнеиса – после смерти Карла сместить наследника с престола⁸³. Но коварные планы предателя разоблачает главный герой песни – граф Гильом, который сурово расправляется с изменником (он хватает Эрнеиса за волосы и ломает ему горловую кость) и таким образом восстанавливает Людовика в его правах⁸⁴. Однако этим история не кончается. В отсутствие Гильома, отправившегося в очередной поход против язычников, в королевстве происходят драматичные события: умирает император, и власть берет в свои руки группа изменников во главе с Ришаром Руанским, задумавшим передать корону своему сыну Аселену, а Людовика отправить в аббатство Сен-Мартен⁸⁵. И опять Гильом является, чтобы восстановить справедливость, вернуть корону законному наследнику и наказать изменников⁸⁶.

В другой песни – “Гейдон” – действуют два предателя – брат Ганелона Тибо д’Аспремон и Алори. Тибо прямо говорит о мотиве своего предательства: он желает отомстить Карлу за своих родственников. Тибо ненавидит короля, который сжег его брата Ганелона и четверговал его сородича Пинабеля, и желает всеми силами ослабить королевскую власть⁸⁷. Тибо мечтает о том, чтобы его короновали, и тогда он передаст Олори крупные города – Орлеан, Бовэ и Реймс⁸⁸. Однако планам предателей не суждено осуществиться. Будучи побежден Гейдоном в судебном поединке, Тибо еще раз публично признается, что желал стать королем Франции, но Господь не позволил этому случиться⁸⁹.

Точно так же в “Гофрее” цель предателей – захват власти. В начале песни поэт воссоздает широкую панораму: христианские рыцари сражаются с язычниками; во время военных действий предатель Грифон взбирается на высокую гору, с которой осматривает окрестности города Труа и говорит другому предателю, Ардрэ, что его главная цель в войне заключается в том, чтобы выпросить у Карла гору в Труа, на которой он построит укрепленный замок и назовет его Отфей. И не пройдет и года, – говорит Грифон, – как я так укреплюсь в этом замке, что Карл и Гофрей и вся родня об этом пожалеют⁹⁰. Далее Грифон рисует заманчивые для предателей перспективы узурпации власти.

Еще одна песнь – “Герцогиня Париз” – открывается описанием совета 12 главных предателей – Ардрэ, Алори, Тибо д’Ас-

премона, возглавляет же совет известный предатель Беранжье. Предатели обуреваемы жадной властью и готовы устранить все препятствия на этом пути⁹¹. Преследуя свои цели, они уже убили сеньора Вовениса, и теперь на их пути к власти стоит его дочь, герцогиня Париз, жена могущественного сеньора Раймунда. Ганелониды не могут оставаться в покое, пока она жива, так как, узнав об обстоятельствах смерти отца, она, несомненно, будет мстить⁹². Глава предателей предлагает отравить Париз и выдать замуж за Раймунда свою дочь – так, говорит Беранжье, ему удастся захватить власть, а всем предателям стать пэрами⁹³.

В “Гуоне Бордосском” предатель Амори де ла Тур всячески настраивает сына Карла Великого – Карломана – против рыцаря Гуона и его брата Жерара. В конце концов он провоцирует стычку между ними, и посылая Карломана на дуэль, откровенно говорит: если сын Карла умрет, во Франции не будет наследника, и Амори сможет завладеть короной⁹⁴.

* * *

В песнях 12 предателей четко противопоставлены 12 пэрам Франции, которые являются истинными рыцарями и преданными вассалами своих сюзеренов. Верным слугой Карла Великого изображается Роланд в “Песни о Роланде” – рискуя своей жизнью и жизнью пэров, он отправляется со своим войском в качестве арьергарда в Ронсевальское ущелье и тем самым исполняет свой вассальный долг. 12 пэров отличают рыцарская воля к борьбе, высокое понятие чести, чувство корпоративной солидарности. Таков, например, Гейдон – единственный рыцарь, выступивший против ставленника Ганелона Пинабеля и защитивший честь павшего в неравном бою с сарацинами Роланда⁹⁵. Гейдон – вассал, верно служивший Карлу, и потому его оскорбляют подозрения Карла в неверности. В запальчивой речи он напоминает о том, что он выкормыш Роланда и не может предать. Герцог Нэм в “Гейдоне” заявляет, что для них, для пэров, вассальные отношения выше родственных⁹⁶.

В отличие от 12 пэров, 12 предателей изображаются плохими, неверными вассалами. Поэты ясно показывают, что цель предателей заключается в том, чтобы ослабить власть сюзерена и устранить его близких вассалов. Ганелон выступает против Роланда, Тибо – против Гейдона, Амори – против Гуона. Изменники предают и самого сюзерена. Стремясь узурпировать власть, они стремятся оттеснить своего сеньора – так поступают Беранжье

в “Герцогине Париз”, Тибо д’Аспремон в “Гейдоне”, Ришар Руанский – в “Короновании Людовика”. Тем самым они прежде всего нарушают принципы вассальной верности, и за подобные действия они несут заслуженное наказание. Обращаясь к Аселену, которого предатели возвели на престол вместо законного престолонаследника Людовика, рыцарь Гильом Короткий Нос говорит: “Господь воздаст тебе за то, презренный, / Что своего сеньора ты бесчестишь!”⁹⁷. Осуществляя позорное наказание отца Аселена – Ришара (он обривает ему лоб и раздевает его) Гильом гневно восклицает: “Вот что постигнуть каждого должно, / Кто своего сеньора предает”⁹⁸.

Примечательно, что 12 предателей стремятся стать пэрами, войти в корпорацию лучших вассалов короля: подобные планы вынашивают в песни “Герцогиня Париз” Алори и Ардрэ; в “Гуоне Бордосском” пэром желает стать коварный брат Гуона Жерар и т.д. Но не случайно планам предателей не суждено сбыться – они недостойны этого высокого звания. Герцог Нэм так и говорит Жерару: “Вы желали стать одним из пэров, слава Богу, это не произошло”⁹⁹. Поэты дают понять читателю: предатели – неверные вассалы, своим поведением разрушающие принципы вассальных отношений.

Еще один способ действий предателей против сюзерена – разрушить брак короля или его верного вассала, женить его на своей претендентке и воспользоваться родственными связями с сюзереном для реализации своих целей. Так действуют предатели в *chanson de geste* “Герцогиня Париз”. Главный предатель Беранжье пытается отравить супругу могущественного сеньора Вовениса Раймунда¹⁰⁰. Когда план предателей не удается – предназначенное для герцогини отравленное яблоко случайно съедает брат Раймунда Бэвон – они клеветуют на герцогиню, обвиняя ее в убийстве Бевона и добиваются, чтобы герцогиню с новорожденным сыном выслали за пределы королевства¹⁰¹, после чего Беранжье удается женить свою дочь на Раймунде и взять бразды правления в свои руки.

О том, как предатели разрушили брак короля Пипина Короткого, рассказано в известной песни “Берта Большеногая”¹⁰². Законную невесту короля Берту изменники подменили внешне похожей на нее Аистой, дочерью ее служанки Мажисты. Мать Аисты вместе с сообщниками совершает неслыханное предательство – такого, как говорит поэт, не было со времени Иуды¹⁰³. В результате Пипин женится на Аисте, а Берта обвиняется в покушении

на короля и изгоняется в лес, где находит приют в семье крестьянина. Долгие годы предательство остается нераскрытым. И лишь когда мать Берты – венгерская королева Бланшефлор – решает навестить дочь, она обнаруживает подмену (у настоящей Берты большие ноги!) и во всеуслышание объявляет о предательстве¹⁰⁴. В то же время Пипин Короткий встречает Берту в лесу и узнает ее. В конце концов всех ждет счастливый конец – Пипин и Берта воссоединяются, у них рождается сын – будущий Карл Великий, а Мажиста и Аиста вместе с другими предателями подвергаются суровому наказанию.

Объективности ради следует сказать, что предатели не всегда стремятся исключительно к захвату власти. Так, в песни “Макэр, или Королева Сивилла” обрисована иная ситуация. В песни так же, как и в “Берте Большеногой”, жертвой предателя становится королева: влюбленный в королеву Сивиллу и отвергнутый ею предатель Макэр из рода Ганелона оговаривает ее перед Карлом, утверждая, что та изменяет ему с карликом¹⁰⁵. В результате Сивиллу изгоняют из королевства и бросают на произвол судьбы в лесу. Но в этой песни предатель, как кажется, не имеет никаких целей, кроме как удовлетворить свои оскорбленные чувства.

В песнях поэты явно осуждают действия изменников, но король, который часто принимает их сторону, изображается скорее как жертва, чем как виновник предательства. И это тоже не случайно. Общество, которое изображено в *chansons de geste*, основывалось на ленном праве, и центральная власть в нем была слабой. И Карл, и Людовик, и другие изображенные в песнях государи легковерны. Предатели ловко ими манипулируют. Им ничего не стоит оклеветать своих недругов – Гейдона в “Гейдоне”, Гуона – в “Гуоне Бордосском”, Гарнье – в “Айе Авиньонской”. Карл готов слушать поклепы людей из “плохого” рода – Ганелонидов, они могут отвратить его от главной цели – борьбы против неверных (как во “Фьерабрасе”), а в “Короновании Людовика”, как мы видели, малолетний король и вовсе становится игрушкой в руках предателей, которые лишают его короны и ссылают в аббатство св. Мартина в Туре. Король слаб и потакает предателям, и его верные вассалы постоянно уличают его в этом. Гейдон бросает Карлу в лицо гневные слова: безумие поддерживать предателей, которые покрыли Францию позором¹⁰⁶. Его вассал Ферро считает, что Карл любит больше предателей, чем славных рыцарей, которые ему служат верой и правдой¹⁰⁷. Гейдон же утверждает, что предатели совершенно ослепили Карла¹⁰⁸ и что род-

ственники Ганелона, Ардрэ, Милон, Карлу дороже, чем честный рыцарь из хорошего рода¹⁰⁹ – Карл же, повесив голову, вынужден согласиться¹¹⁰.

* * *

Если в песнях оклеветанные предателями и поставленные на край гибели герои далеко не всегда могут рассчитывать на поддержку сюзерена, то нередко они находят союзников среди членов рыцарской корпорации, своих пэров. В песни “Гофрей” герою, которого стремятся устранить предатели, оказывает поддержку пэр – герцог Нэм. Он единственный среди баронов, кто не верит клевете Грифона¹¹¹, утверждающего, будто Гофрей перешел на службу к сарацинскому королю Глориану¹¹², и своими вопросами разоблачает изменника¹¹³. Нэм защищает интересы жертвы предательских козней и в *chanson de geste* “Гуон Бордосский”. Руководствуясь принципами вассальной этики, он вступает за братьев Гуона и Жерара – сыновей покойного пэра, оклеветанных предателем Амори де ла Тур¹¹⁴. И опять именно он отказывается принять дары Жерара, предательски завладевшего трофеями брата. Он же впервые высказывает подозрение о предательстве Жерара, перешедшего на сторону изменников¹¹⁵.

В песни “Герцогиня Париз” другой из пэров – Кларэмбо, близкий семье героини, оказывается на ее стороне, когда Алори, Ардрэ и другие предатели обвиняют Париз в отравлении брата герцога¹¹⁶. Еще раньше они убили ее отца и теперь стремятся расправиться с дочерью. Предатели боятся Кларэмбо, а тот увещевает герцога – призывает его защитить честь покойного герцога Сен-Жиля Раймунда, вассалами которого они все были и от которого нынешний герцог получил фьеф¹¹⁷. Именно у Кларэмбо находит герцогиня приют после того, как ее изгнали из королевского дворца. Он отдает в ее распоряжение своих 14 сыновей, которые готовы верно служить ей¹¹⁸. Еще раз подчеркнем – Кларэмбо делает это в знак любви к своему покойному сюзерену.

Нэм, Кларэмбо и другие пэры изгоняют предателей, стремясь сохранить рыцарскую корпорацию, в которой соблюдаются принципы вассальной верности. Именно к пэрам обращаются жертвы предателей, рассчитывая на суд равных. Именно на пэров они надеются и в них обретают поддержку. Так, представ перед императором, Гуон требует суда равных и обращается к французским баронам с просьбой поручиться за него¹¹⁹. Когда же Карл не

признает результаты судебного поединка, Нэм призывает пэров покинуть двор сюзерена – император с плачем уступает, и только тогда бароны возвращаются назад.

* * *

Вообще судебный поединок – еще один способ верных вассалов защитить себя от предателей. В течение XII и начала XIII в. описания судебных поединков в общем часто появляются в *chansons de geste* и рыцарских романах¹²⁰. Достаточно вспомнить поединок между Тьерри и Пинабелем в “Песни о Роланде”¹²¹ или поединок между Гейдоном и обвинившим его в измене королю Тибо д’Аспремоном¹²². Как правило, в судебном поединке пэры выступают против предателей и защищают членов своей корпорации, причем происходит это не без ожесточенной борьбы. В *chansons de geste* судебный поединок является одним из способов разрешения острых конфликтов между “хорошими” и “плохими” баронами – пэрами и предателями.

В песни “Гуон Бордосский” описан судебный поединок между Гуоном и обвинившим его предателем Амори де ла Туром¹²³: пэры колеблются, не зная, кто прав, но поскольку христианский Бог, видимо, на стороне героя, то поединок кончается его полной победой. Не случайно Эсклармонда, влюбленная в него сарацинка, перешедшая в христианство, восклицает, что если Гуона осудят, то она опять обратится в ислам¹²⁴. В “Айе Авиньонской” предатели Обуэн и Милон обвиняют героя Гарнье в измене королю¹²⁵, и опять герои одерживают победу над предателями¹²⁶. В “Гарене Лотарингце” Бегон выступает в судебном поединке против предателя Изоре ле Гри – он разит его в самое сердце, приносит его в Париж и швыряет в лицо Гийому де Монклену со словами: “Бери сердце своего приятеля, вассал, можешь его послать и пожарить. Гарен никогда не затевал преступления против короля”¹²⁷.

Но самый странный судебный поединок происходит в *chanson de geste* “Макэр”, где честь поруганной королевы защищает... собака. Как мы помним, в песни оклеветанную Сивиллу приговаривают к казни, которую заменяют более мягким наказанием – изгнанием в лес. Но и там ее настигает предатель Макэр и убивает ее единственного спутника Обера де Мондидье, и тогда на защиту королевы встает ее верный пес. Он публично искусывает Макэра, а затем между предателем и собакой происходит судебный поединок¹²⁸, во время которого пес, наконец, вырывает признание

у предателя – поваленный на землю, тот сознается в том, что нарочно оклеветал королеву Сивиллу¹²⁹. Этот эпизод оказывается еще одним подтверждением того, что Бог на стороне оклеветанной королевы.

Как видим, герои *chansons de geste*, как правило, побеждают предателей. Герои выступают в судебных поединках как бы в роли вассалов Бога и сражаются за своего сеньора против предателей, так что победа героев объясняется тем фактом, что Бог и право на их стороне¹³⁰.

* * *

Перечисленные примеры все больше убеждают нас в том, что предательство в средневековом обществе мыслится прежде всего как правовая категория. Но право и мораль в средневековом обществе – две сферы, которые тесно соприкасаются и друг без друга не существуют. Своеобразный “моральный” (вернее, анти-моральный) кодекс предателя находим в *chanson de geste* “Гейдон”, где говорится о своеобразной клятве предателя (скорее анти-клятве). Ги д’Отфей, священник (sic!) после мессы снимает церковное облачение и сообщает своему племяннику, как должен вести себя настоящий предатель и что следует делать, чтобы преуспеть на этом поприще: предавать Бога, изменять сеньору, своим пэрам, нарушать принципы вассалитета – это то, что касается вассальных отношений. Кроме того нужно, говорит Ги д’Отфей, клеветать на людей, грабить бедняков, обездоливать сирот и вдов, бесчестить святую церковь, грабить духовенство, швырять в грязь младенцев и бить стариков, лгать, приносить лживые клятвы и пр. – при условии выполнения всех этих принципов, считает Ги д’Отфей, племянник сможет стать настоящим предателем¹³¹.

В соответствии с такими моральными принципами предатели для достижения своих целей действуют всегда коварными и нечестными методами. В *chansons de geste* они чаще всего прибегают к отраве с тем, чтобы устранить неугодного им человека или соперника, который может помешать осуществлению их коварных планов, будь то близкий вассал короля или кто-то из его родственников или даже сам король. Так, в “Гейдоне” Тибо д’Аспремон, брат Ганелона, пытается передать Карлу отравленные груши с целью отравить короля, а вину свалить на Гейдона и так избавиться от нежелательного для них соперника¹³². В “Герцогине Париз” предатель Беранжье готовит страшный яд, рецепт которого когда-то дал ему некий прокаженный старик. Пропитав

ядом 30 яблок, Беранжье поручает пажу передать этот зловещий подарок герцогине Париз с тем, чтобы покончить с ней счеты¹³³.

Со своими слугами, которых они избирают орудием осуществления своих коварных планов, предатели также поступают вероломно – они нарушают данные им обещания, а затем жестоко с ними расправляются. В “Гейдоне” Тибо д’Аспремон обещает провансальцу, согласившемуся передать отравленные груши, богатое вознаграждение – беличью шубу, коня и пр.¹³⁴, но затем, когда тот выполняет данное предателями поручение, подло убивает его¹³⁵. В “Герцогине Париз” Беранжье обещает пажу, согласившемуся отнести герцогине отравленные яблоки, большие подарки¹³⁶. По возвращении паж требует обещанную плату. “Ты получишь ее” – отвечают предатели и бросают пажа в колодец, где он ломает себе шею¹³⁷. Как видим, предатели неверны не только по отношению к сюзерену, членам вассальной корпорации, но и по отношению к людям, стоящим на более низкой ступени в социальной иерархии.

Нередко предатели действуют подкупом, и надо сказать, что король легко прельщается их подарками. В “Гофрее” Грифон, предав своих братьев, осыпает подарками Карла, который соглашается уступить ему завоеванный сыновьями Доона де Майенс город Труа¹³⁸. Услышав слова благодарности Карла¹³⁹, Грифон сквозь зубы говорит: “У кого деньги, тот достигает своей цели”¹⁴⁰. В “Айе Авиньонской” Милон одаряет короля, и тот сразу же пытается просватать за него свою племянницу Айю¹⁴¹. Вообще предатели изображаются настоящими финансовыми дельцами. В “Гейдоне” им удается подкупить короля даже после разоблачения Тибо д’Аспремона. Они привозят на двух мулах золото, и король тут же соглашается освободить из тюрьмы племянников Тибо Сансона и Амбрэна¹⁴². Предатели явно предпочитают деньги личным отношениям. Случаи подкупа короля столь часто описаны в песнях, что невольно возникает предположение о том, что все эти описания – косвенная реакция на развитие товарно-денежных отношений в средневековом обществе. Не случайно в песни “Айоль” герои сопоставляют прежние времена, когда превыше всего ценились верность и храбрость, и современную им эпоху господства товарно-денежных отношений¹⁴³.

Преследуя свои цели, предатели часто прибегают к травести и подлогу. В “Герцогине Париз” предатель Омаген облачается в костюм паломника с тем, чтобы, рассказав о своих видениях, оклеветать герцогиню Париз¹⁴⁴. В другом пассаже той же песни

камергер Милон, один из предателей, в душе настроенный против герцогини, вызывается защитить ее честь в судебном поединке¹⁴⁵. Накануне боя он нарочно ломает меч и затем склеивает его воском, чтобы получше инсценировать свое поражение.

Как представляется, момент травести не случаен. В песнях предатели постоянно выдают себя не за тех, кто они есть, и коварно скрывают свои истинные намерения. Примечательно, что под пером средневековых авторов даже внешность предателей предстает весьма обманчивой. Вот как в “Песни о Роланде” рисуется портрет предателя Ганелона: “Лицом он горд, сверкают ярко очи, / Широкий в бедрах стан на диво строен. / Граф так хорош, что пэры глаз не сводят”¹⁴⁶. Красив и Тибо д’Аспремон из *chanson de geste* “Гейдон”: по словам поэта, Тибо хорошо сложен, у него белое лицо, а глаза блестят как огонь¹⁴⁷. Точно так же в “Гофрее” предатель Грифон д’Отфей на приеме у Карла Великого очаровывает придворных дам своей привлекательной внешностью. Счастлива та, кто имеет такого любовника, – говорят они¹⁴⁸. Но они не знают его сердца – сердца подлеца, предавшего братьев, – добавляет поэт¹⁴⁹.

* * *

Примечательно, что в *chansons de geste* предатели часто разрывают братские узы и предают родственные интересы, а члены их семей переходят на сторону их противников. И такое поведение весьма типично для них. Так поступает Грифон д’Отфей в песни “Гофрей”. В ней рассказано о том, как 12 сыновей Доона де Майенса во главе со старшим из них – Гофреем – отправляются в поход против сарацин, желая вызволить из плена своего отца и его вассалов. Один из братьев – Грифон – вместе с предателем Ардрэ чинит Гофрею и другим братьям всяческие препятствия на пути достижения их главной цели. Грифон едет в Париж к Карлу с тем, чтобы подтвердить свои права на завоеванный христианами город Труа и ради этого клеветает на старшего брата, утверждая, что Гофрей покрыл себя позором, отрекся от Христа и перешел на службу к сарацинскому королю Глориану¹⁵⁰. В конце концов предателя изобличают в обмане и наказывают, и справедливость оказывается восстановленной.

Другой случай предательства брата описан в уже упоминавшейся песни “Гуон Бордосский”. В этой песни рыцарь Гуон, в результате клеветы предателей утратив доверие императора, вынужден отправиться в опасное приключение. В его отсутствие

младший брат Жерар женится на дочери одного из этих предателей и переходит на их сторону. Несмотря на все препятствия, Гуону удается с помощью эльфа Оберона выполнить поручения короля и вернуться на родину. Его приезд невыгоден предателям. Жерар, приветствуя Гуона поцелуем (“поцелуй Иуды”, как говорит поэт)¹⁵¹, делает вид, что рад ему, но на самом деле замысел его коварен: по наущению своего тестя Жибуара он устраивает засаду, захватывает брата в плен, отбирает его трофеи и затем перед лицом короля клеветает на Гуона, обвиняя его в том, что он не выполнил поручение короля¹⁵². Не случайно Гуон называет Жерара Каином¹⁵³. В конце концов обман раскрыт, и тем не менее Гуон убеждает Оберона не наказывать брата, так как во всем виноват главный предатель – Жибуар.

Интересно, что хотя род Ганелонидов в песнях предстает в целом сплоченным, семейно-брачные отношения отдельных предателей чрезвычайно непрочны; и их жены и дети часто поддерживают их противников. В “Гофрее” жена Грифона прямо сообщает всем, что ее муж предатель и требует разоблачить его¹⁵⁴. В песни “Гейдон” жена предателя Эрто, готовящего покушение на одного из королевских пэров, призывает не нарушать принципы рыцарской корпорации и сообщает сыну Савари о том, что его отец предал рыцаря¹⁵⁵. Эрто в конце концов кончает жизнь на виселице, а его сын перед казнью произносит перед отцом нравоучительную речь о заслуженной плате за предательство. Смерть отца была бы для него настоящим трауром, говорит Савари, если б тот был верным вассалом, но после совершенной отцом измены кончина Эрто для него значит не более чем прыщик (sic!)¹⁵⁶. Так поэты в песнях показывают, что предательство разрушает семейные и родственные отношения.

* * *

Поскольку предатели являются закоронелыми грешниками и нарушают моральные принципы, которые лежат в основе средневекового общества, то их судьбы предрешены – все они попадут в ад. В “Гейдоне” Тибо д’Аспремон, побежденный в судебном поединке Гейдоном, отчетливо сознает, что окажется в аду, где уже находится его брат Ганелон. И он не собирается обращаться к Богу, просить у своих жертв прощения или исповедоваться – все это безнадежно¹⁵⁷. Точно так же после смерти предателя Гуинемана его душой овладевают злые духи и бросают ее друг другу как мячик. Поначалу другие предатели принимают злых духов за

ангелов и радуются, что судьба пощадила их собратьев. Но, разглядев духов, один из сообщников Гуинемана – Ардрэ – резонно замечает, что если бы то были ангелы, то они летели бы по воздуху¹⁵⁸, и предатели убеждаются, что ад – их неминуемый конец. В “Герцогине Париз” главных предателей – Беранжье и Ардрэ, оклеветавших герцогиню, вместе с их сообщниками приговорили к смертной казни – их бросили в костер. По замечанию поэта, их тела обратились в пепел, а их души унес дьявол¹⁵⁹. В “Айе из Авиньона” побежденный в судебном поединке предатель Обуэн говорит о том, что не просит прощения, ибо точно попадет в ад и там встретится с Ганелоном и Пинабелем, и их (предателей) будет там много¹⁶⁰. Поэты ясно дают понять, что Бог никогда не будет на стороне предателей, и, как говорится в *chanson de geste* “Коронование Людовика”: “кто низкое предательство замыслил, / Того возмездье Божие не минет”¹⁶¹.

* * *

Примеры предательств, описанных в *chansons de geste*, можно было бы продолжить. Но пора подводить итоги сделанным наблюдениям.

Как мы видели, в изображении французских средневековых поэтов предательство – это прежде всего правовая категория, или же, скорее, моральные и правовые аспекты феномена предательства почти невозможно развести по разным полюсам. В средневековой литературе предательством считалось прежде всего преступление против сюзерена, нарушение принципов взаимных обязательств сеньора и вассала, что составляло сердцевину феодального права. В героическом эпосе разрыв этих обязательств, как мы видели, разрушает принципы солидарности средневекового общества, на которых зиждятся как отношения сюзерена и вассалов, так и отношения внутри рыцарской корпорации. Эти действия, судя по литературным текстам, приводят к упадку всей системы средневекового социального строя. Таковы последствия действий предателей, описанные в рассмотренных в этой статье *chansons de geste* королевской жесты и жесты Гильома: неверные вассалы изолируют короля от его верных рыцарей, разрушают брак короля (“Берта Большеногая”), предают своего сюзерена (“Песнь о Роланде”), узурпируют его власть (“Коронование Людовика”). 12 самых известных Ганелонидов, совершающих подобные действия, в этом смысле противопоставлены 12 пэрам – самым известным вассалам короля, которые приходят на помощь

членам рыцарской корпорации (герцог Нэм в “Гуоне Бордосском”, Кларэмбо в “Герцогине Париз”) и стоят на страже ее интересов.

Однако предательство касается не только вассальных отношений, отношений с более могущественными сеньорами, но по существу всех видов человеческих взаимоотношений – семьи, дружбы, родственных связей, семейно-брачных отношений. Как мы видели, предатели разрушают отношения между братьями (“Гофрей”, “Гуон Бордосский”), между супругами (“Берта Большеногая”, “Герцогиня Париз”, “Макэр”) и тем самым ставят под угрозу выживание рода. В “Песни о Роланде” предательство Ганелона ведет к гибели 30 тысяч его заложников. В “Гейдоне” предательство приводит к распаду семьи героя Эрто.

Мотивы предательства разнообразны – жажда власти, амбиции, стремление к повышению статуса и пр. Действующие по этим мотивам предатели угрожают всему обществу и подрывают его стабильность, нарушают его хрупкое равновесие.

Наконец, предательство касается отношений человека с Богом. Как явствует из *chansons de geste*, крайняя форма предательства – вероотступничество, предательство Бога, интересов христианского мира в целом – например, переход рыцарей на сторону иноверцев, все виды помощи неверным, отказ от борьбы с язычниками за расширение пределов христианского мира.

Но и изменившие своему сеньору рыцари, согласно средневековым литературным произведениям, предают Бога. Не случайно в судебном поединке, который, как правило, изображается в песнях как средство разрешения конфликта между предателем и его жертвой, выигрывает всегда верный рыцарь “*loiaus om*”, ибо Бог оказывается на его стороне, а предатель своими действиями по существу оскорбляет Бога¹⁶².

Все средневековое общество основывается на принципах клятвы; в основе социальных связей – присяги, данное слово, кодекс чести. Предатели же, если судить по литературным текстам, пренебрегают юридическими и моральными принципами средневекового социального порядка. Они не только совершают клятвопреступления, но и непрерывно изменяют своим обещаниям, не исполняют своего долга и обманывают всех – от своего сюзерена до стоящих в самом низу социальной иерархии слуг, которых они вероломно подкупают, а использовав их в своих целях, уничтожают (“Гейдон”, “Герцогиня Париз”). Своеобразная “анти-клятва” предателя, описанная в “Гейдоне”, представляется травестией рыцарского кодекса чести.

Во французском героическом эпосе предатели, как правило, скрывают свои истинные намерения, действуют вероломно и прикрывают свои подлинные цели и стремления ложными клятвами. Примечательно, что даже внешность предателей обманчива – как показывают поэты, за приятной наружностью и прекрасными манерами они скрывают недобрые чувства и неправомерные амбиции.

Характерно, что образ предателей, судя по рассмотренным здесь *chansons de geste*, созданным в период времени от конца XI в. до начала XIV в., практически не изменяется с течением времени, и это обстоятельство может свидетельствовать о постоянном отношении средневекового общества к тем, кто нарушает его правовые и моральные принципы. В героическом эпосе предателей, как мы видели, всегда ждет наказание – позорная смерть и геенна огненная. В таком однозначном и неизменном отношении средневекового общества к предателям и предательству в полной мере проявляются этические принципы феодальной эпохи.

Очевидно, плодотворное изучение предательства возможно лишь в том случае, если мы будем рассматривать этот феномен в конкретно-историческом контексте – ведь в это понятие вкладывается разный смысл в зависимости от того, о какой эпохе мы говорим. Предпринятый здесь анализ этого понятия применительно к Средневековью, как мне представляется, достаточно полно раскрывает особенности феодального социального порядка, в основе которого – вассальные, родственные и религиозные связи. Именно этим связям угрожают изображенные в *chansons de geste* предатели и изменники.

¹ О политическом предательстве см. материалы коллоквиума, недавно организованного французскими медиевистами: *La trahison au Moyen âge: de la monstrosité au crime politique*. V–XV. ss. / Ed. M. Billoré et M. Soria. Rennes, 2009.

² Некоторые подходы к анализу этого аспекта феномена средневекового предательства можно найти в книге Ж. Дюби: *Duby G. Le chevalier, la femme et le prêtre*. P., 1981. P. 201–223.

³ От *perfidia* – вероломство. См. об этом подробнее в кн.: *Blumenkranz B. Perfidia* // *Archivium latinum medii aevi*. Bruxelles, 1952. Vol. 22. P. 157–170.

⁴ Самая известная из этого цикла песнь – “Рауль из Камбрэ”, повествующая о сложных отношениях рыцаря Бернье и его сеньора Рауля, наносящего ему череду оскорблений и сжигающего его мать в монастыре. В одном из самых драматичных пассажей песни Бернье произносит следующие слова: “Мой сеньор Рауль хуже Иуды, но он мой сеньор. Он дарит мне лошадей и одежду, оружие и дорогие шелковые ткани из Багдада. Я не изменю ему за все сокровища Дамаска, даже если все скажут: “Бернье, ты вправе ему изменить”. См.: *Raoul*

- de Cambrai* / Ed. P. Meyer et A. Longnon. P., 1882. V. 1381–1385: “R. Mesires est plus fel que Judas; / Il est mesires; chevaux me done et dras, / Et garnement et palles de Baudas; / Ne li fauroie por l’onor de Damas”. Все же потом Бернье вступает в противоборство с нечестным сеньором, кода тот, разгоряченный вином (в день Поста!) бьет Бернье палкой по голове. О цикле в целом см.: *Calin W.C. The Old French Epic of Revolt: “Raoul de Cambrai,” “Renaud de Montauban,” “Gormond et Isembard”*. Geneva, 1962. См. также: *Kay S. The Chanson de geste in the Age of Romance: Political Fictions*. Oxford, 1995.
- ⁵ *Heintze M. König, Held und Sippe: Untersuchungen zur Chanson de geste des 13. und 14. Jahrhunderts und ihrer Zyklenbildung*. Heidelberg, 1991.
- ⁶ *La Chanson de Roland* / Ed. I. Short. 2-ième éd. P., 1990 (далее – *Chanson de Roland*); *Gaydon* / Ed. F. Guessard et S. Luce. P., 1862 (далее – *Gaydon*); *Fierabras: Chanson de geste du XII siècle* / Ed. A. Kroeber et G. Servois. P., 1860 (далее – *Fierabras*); *Macaire* / Ed. F. Guessard. P., 1865 (далее – *Macaire*); *La Prise de Pampelune: Altfranzösisches Gedicht aus venezianischer Handschrift* / Hrsg. v. A. Mussafia. Wien, 1864 (далее – *La Prise de Pampelune*); *L’Entrée en Espagne* / Ed. L. Gautier. P., 1858 (далее – *Entrée en Espagne*); *Li romans de Berte aux grands piés* / Ed. P. Paris. P., 1832 (далее – *Berte aux grands piés*); *Couronnement de Louis* / Ed. E. Langlois. P., 1920 (далее – *Couronnement de Louis*); *Charroi de Nîmes* / Ed. J.-L. Perrier. P., 1931 (далее – *Charroi de Nîmes*); *Aye d’Avignon: Chanson de geste, publiée pour la première fois d’après le manuscrit unique de Paris* par F. Guessard et P. Meyer. P., 1861 (далее – *Aye d’Avignon*); *Gaufrey* / Ed. F. Guessard et P. Chabaille. P., 1859 (далее – *Gaufrey*); *Parise la duchesse* / Ed. F. Guessard. P., 1860 (далее – *Parise la duchesse*); *Huon de Bordeaux* / Ed. F. Guessard et Ch. Grandmaison. P., 1860 (далее – *Huon de Bordeaux*); *Aiol, chanson de geste, publiée d’après le manuscrit unique de Paris, par J. Normand et G. Paris*. P., 1877 (далее – *Aiol*). Жанровые особенности этих литературных памятников подробно рассмотрены в кн.: *Михайлов А.Д. Французский героический эпос: Вопросы поэтики и стилистики*. М., 1995. О цикле Гийома см.: *Frappier J. Les chansons de geste du cycle de Guillaume d’Orange*. P., 1965.
- ⁷ *Hofer S. Das Verratmotiv in den chansons de geste // Zeitschrift für Romanische Philologie*. 1924. Bd. XLIV, Hf. 1. S. 594–608.
- ⁸ *Dessau A. L’idée de la trahison au Moyen âge et son rôle dans la motivation de quelques chansons de geste // Cahiers de civilisation medievale*. Poitiers, 1960. № 3. P. 23–25.
- ⁹ *Heintze M. Op. cit.* S. 414–444.
- ¹⁰ См.: *Gaydon*. V. 120, 138, 140, 694, 1875, 1263, 3042, 3162, 3189, 3192, 3187, 3289, 5394; *Gaufrey*. V. 4846, 4870, 5135, 53280; *Parise la Duchesse*. V. 272, 422, 308, 390, 418, 420, 428, 2512, 2641, 2646, 2661, 3034; *Huon de Bordeaux*. V. 95218, 1017, 1255, 1384, 2084, 2116, 3875, 4179, 9023.
- ¹¹ См.: *Gaydon*. V. 313, 380, 436, 454, 577, 1782, 3515, 4675, 10117, 10124, 10128, 10136, 10321; *Parise la Duchesse*. V. 26, 183–184, 3030; *Huon de Bordeaux*. V. 934, 2166, 9498–9499, 10 350; *Berte aux grands piés*. V. 360, 365, 387, 690, 1833, 2268, 1833, 2262, 2300.
- ¹² См.: *Aye d’Avignon*. V. 289, 310, 319; *Berthe aux grans piés*. V. 1870; *Couronnement de Louis*. V. 1436.
- ¹³ См.: *Gaydon*. V. 458 (cuivert, le traïtor renois). V. 1140 (Ganes, li cuivers renoiez). V. 1263 (Ganelon, le traïtor prouvé). V. 5278 (li fel traitres). V. 9549 (fiuls à putain, gloutons). V. 10129 (cuivert felon); *Gaufrey*. V. 4780 (le cuivert putainnier); *Parise la Duchesse*. V. 90 (lo cuvert, le traïtor) etc.

- ¹⁴ См.: Gaydon. V. 143, 424, 578, 3075, 3184, 10 142 (fel); V. 5278 (li fel traitres); Fierabras. V. 4511; Parise la Duchesse. V. 19,1981, 2049.
- ¹⁵ Об этом понятии см.: *Illmer F. Treuebruch, Verrat und Felonie im deutschen Strafrecht. Würzburg, 1937.*
- ¹⁶ Gaufrey. V. 5379: “Et donques traïtour si feïtement Grifon? / Il ne ressemble pas à son pere Doon, / Ni a sa mere Flandrine a la clere fachon, / ains hons de son lignage ne pensa traïson”.
- ¹⁷ Ibid. V. 2207–2209.
- ¹⁸ Так, в “Гоффре” нарисована настоящая генеалогия предателей. См.: Gaufrey. V. 3999–4004: “Que de li issi puis Ganelon et Hardré, Milon et Auboin et Herpin et Gondrez, / Pinabel de Sorence et Tiebaut et Fourrés, / Et Hervien de Lion qui sot du mal asses. / Et Tiebaut d’Aspremont qui fu moult redoutés. / De li issi geste don’t Kalles fu irés...”
- ¹⁹ Aye d’Avignon. V. 151–152, 355–360.
- ²⁰ Gaydon. V. 4166–4169.
- ²¹ La Prise de Pampelune. V. 2839–2841.
- ²² Fierabars. V. 4455–4458: “Qui fuit furent neveu et cousin et parents”.
- ²³ Gaydon. V. 7998: “li traïtor sont plain de desmesure”.
- ²⁴ Chanson de Roland. V. 3797–3799: “Pur Pinabel se cuntient plus quei: / Dist l’un a l’autre: ‘Bien fait a remaneir! / Laisum le plait e si preïum le rei / Que Guenelun cleimt quite ceste feïz...”
- ²⁵ Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. / пер. Ю. Корнеева. М., 1972 (далее – “Песнь о Роланде”). Ст. 3097. См. в оригинале: Chanson de Roland. V. 3907: “Dist Pinabel: ‘Ne placet Damnedeu! / Sustenir voeill trestut mun parentét, / Ne m’ recerrai pur nul hume mortel...”
- ²⁶ Gaydon. V. 43: “Thiebaus respond: Je ne le puis amer: ‘Par maintes fois a fait mon cuer irer, / No lingnaige a honi et vergonde, / Gane, mon frère, fist ardoir en .I. ré / Sor Ro)cheoure, et tout discipliner, / Et Pynabel, mon neveu l’alósé, / Fist il à eves de cheval trainer”.
- ²⁷ Ibid. V. 615: “XIII. conte en sont en piés levé, / De son lingnaige et de son parenté”.
- ²⁸ Aye d’Avignon. V. 704: “Se je vois en enfer, selon m’entencion, / Je trouverai laiens mon oncle Ganelon, / Pinabel de Sorence e mon parent Guion: / Nou seron moult grant geste en cele region”.
- ²⁹ Ibid. V. 3910–3913: “Il furent XII contes que cosin que parent”.
- ³⁰ Parise la Duchesse. V. 15 “...ot en Vauvenice. XII. pers moult felons, / Qui lor seignor murtrirent par moult grant traïson: / Herderez et Aloriz, et Tiebauz d’Aspremont, / Et Pineauz, et R [o]giers, et Herveies de Lion. / Pinabiaus et Roers, et Sanses d’Orion; / Cil furent del lignaige al cuvert Ganellon”.
- ³¹ Gaydon. V. 15: “C’est de Thiebaut, qui d’Aspremont fu nés; / Freres fu Gane, dont tant oï avez, / Qu’an Ronscevals trai les. XII. pers, / Et les .XX. mil de chevaliers armez...”
- ³² Ibid. V. 762: “Drois empereres, li dus Ogiers a dit, / ‘Ne créez pas le lynгнаige Aulori; / Ne le lynгнаige qui onques bienne fist, / En Ronscevaux vostre neveu traït, / Et les .XX. des chevaliers hardis”.
- В том же “Гейдоне” рыцарь Жоффруа напоминает Тибо, что тот – брат Ганелона, подлеца и вероотступника, предавшего сарацинам Роланда и Оливье, а также лучших архиепископов и 12 пэров и 20 тысяч рыцарей. См.: Gaydon. V. 1140: “Mai li fel Ganes, li cuivers

- renoeiz, / Vendi Marsille, Rollant et Olivier, / Et l'arcevesques, et Gerin et Gelier, / Les. XII. pers dont li rois fu iriez, / Et les. XX m de chevaliers proisiez".
- ³³ Aye d'Avignon. V. 334: "E Garniers lor reproche lor pere Ganelon, / Qui porta le message au roi Marcillon, / Dont furet mort a glaive li .xii. conpaignon". В той же песни Айя Авиньонская напоминает о том, что род Ганелонидов доставлял немало беспокойств Франции. См.: Ibid. V. 505 "E toute sa lingnie soit de feu alumee, / Qui ont par tantes fois douce France trouble. / Par eus fu mort Roillans a la chiere menbree / E le conte Olliviers – c'est verité prouvee..."
- ³⁴ Именно такими словами говорит о предателе Милоне герой "Герцогини Париз". См.: Parise la Duchesse. V. 431: "Et Miles l'an desfent, li traitres provez, / Vos savez bien qu'il est de mauvaise parenté".
- ³⁵ См. об этом: *Flori J. Chevalier et chevalerie au Moyen âge*. P., 1998. P. 23–56.
- ³⁶ *Chanson de Roland*. V. 510–512.
- ³⁷ *Galien*. V. 1298–1299.
- ³⁸ *La Prise de Pampelune*. V. 2820–2828: "Guron a nom; ond s'il veut fer dolour coral / A çarille, si l'ocie; ond Frans e Provençal / Seront plus esbaïs pour lu sens jeu ne bal / Che pour dis mil des autres de la giant communal. / A Maoçeire diriés che ast fu ou principal / Che sa ville li veut amblicom desloial: / Or s'en pora vençier, s'il a sen natural. / Ne faites long demor on le giant creminal: / Mes de ci à tierçe nuit soies ci en cist terra..."
- ³⁹ Aye d'Avignon. V. 1630ff.
- ⁴⁰ Об этом см. подробнее в статье: *Dessaud E.* Op. cit. P. 23–25.
- ⁴¹ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). Ст. 35–39. См. оригинал: *Chanson de Roland*. V. 35–39: "En ceste tere ad asez osteiet: / En France, ad Ais, sen deit ben repaier. / Vos le sivrez a feste seint Michel, / Si recevrez la lei de chrestiens: / Serez ses hom par honur e par ben".
- ⁴² *Chanson de Roland*. V. 201–210.
- ⁴³ *Fierabras*. V. 4404–4413: "Karles est moult dolens, coureciés et irés. / L'emperere manda Guenelon et Hardre, / Grifonnet d'Autefueille o le grenon mellé, / Alori et Macaire et des autres asses, / Et si manda Renier de Genne l'alossé. / Baron, dist l'emperere, quell conseil me donnés? / Perdu ai mes barons, moult en sui abosmés, / Moult en sui afoiblis et mes pres avillés; / Je vous rent la couronne dont je suis couronnes / Jamais jour de ma vie n'en tenrai l'ireté".
- ⁴⁴ Ibid. V. 4419–4450: "Ralons nous ent en Franche, se mon conseil créez. / Li enfant qui la sont petit, de joule aés. / Seront tuit parcreu anchois .XX. ans passez; / Donc, criere en Espagne au retor vous metés, / Puis conquerrons les teres et les grans irétés, / Et les dignes reliques, dont lou ai grant pités. / Lois vengerés Rollant, don't vous estes irés, / Et les autres barons, qui mort sont et finés; / Par verte le vous di, jamais ne le[s] verrés..."
- ⁴⁵ Ibid. V. 4443 "Et dist à soi meismes: 'Caitis, que deverrés? / Si je m'en vois arriere, ce sera lasquetés; / Tous li mondes dira Karles est rasotes. / Miels ain perdre la teste que soie retournés'".
- ⁴⁶ Ibid. V. 4447–4450.
- ⁴⁷ Aye d'Avignon. V. 1630–1643.
- ⁴⁸ *Fierabras*. V. 1650ff.
- ⁴⁹ Aye d'Avignon. V. 1610: "En droit sarrazinois Berengiers li respond".
- ⁵⁰ Ibid. V. 1630–1645.
- ⁵¹ Ibid. V. 1644: "Par Mahonmet, dist il, vos esteres de nos!"
- ⁵² Ibid. V. 1510–1514.
- ⁵³ Ibid. V. 1515–1517.

- ⁵⁴ Ibid. V. 2408–2410.
- ⁵⁵ Ibid. V. 3440–3675.
- ⁵⁶ Ibid. V. 3678–3725.
- ⁵⁷ Ibid. V. 3727: “Voz avez mon enfant de la mort secoru, / Vos l’eüssiez destruit si vos eust pleü, / E vos l’avez amé, norri e chier tenu”.
- ⁵⁸ Aye d’Avignon. V. 3795–3800.
- ⁵⁹ Chanson de Roland. V. 1753–1760: “Rollant ad mis l’olifan a sa buche, / Empeint le ben, par grant virtut le sunet. / Halt sunt li pui e la voiz est mult lunge: / Granz trnt liwes l’oïrent il respundre. / Karles l’oït e ses cumpaignes tutes. / Ço dit li reis: ‘Bataille funt nostre hume!’ / E Guenelun li respunt encuntre: ‘S’altre l’desist, ja semblasr grant mençunge’”.
- ⁶⁰ Le Charroi de Nîmes, chanson de geste du XII s. / Ed. J.-L. Perrier. P., 1931. V. 684–690: “Des or s’en vet Guillelmes le guerrier, / En sa compaigne maint gentil chevalier, / La flor de France vos a fet si vuidier, / S’il vos sort guerre, ne vos porroiz aidier, / Et di croi bien qu’il revendra a pié; / Tiot li autre erent mené a mendier”.
- ⁶¹ Это не кто иной, как Тьерри из “Песни о Роланде”, решившийся сразиться с Пинабелем.
- ⁶² Gaydon. V. 58: “Ce fait Gaydon, nostre annemis mortex, / Il et ses oncles, dus Nayme le senez, / Et li Danois, cui Dex puist mal donner, / Cil sont dou roi del tout issi prive / Que ses conseuls ne puer sans euls fuier”.
- ⁶³ Ibid. V. 105–106: “Ogiers et Naymes seront are en un rée / Gaydon sera a chevax traïnez”.
- ⁶⁴ Ibid. V. 101: “Lors sera mors, ne porra plus durer”.
- ⁶⁵ Fierabras. V. 292–327.
- ⁶⁶ Ibid. V. 3–23: “Il ira voirement, ja n’en ert respitié, / Mais s’il est mors ne pris, tu seras vergonnié, / Et trestout ti parent fors de France cacié...”.
- ⁶⁷ Huon de Bordeaux. V. 235–236: “Gerard et Hues, doi malvais iretier, / Qui ne vous degnent server ne essaucier”.
- ⁶⁸ Ibid. V. 450–451: “se Hues vient à Paris courtoier, / De douce France sera gonfanonnier, / Et li maisnés sera mes camberiers”.
- ⁶⁹ Ibid. V. 478: “Il vous tauront de France I quartier”.
- ⁷⁰ Ibid. V. 491–495: “En cel bruellet, nous irons embussier. / Quant li garcon quideront cevauchier, / Courons lour sus, si lor copons les ciés; / On ne saura quis ara detrnciés: / Et dist Karlos: ‘Jou l’otroi volentiers’”.
- ⁷¹ Huon de Bordeaux. V. 737–780.
- ⁷² Aye d’Avignon. V. 236–239: “Fumes fil Aulori e neveu Haguenon, / E Mile e Auboïn, fil Pinabel le blon, / Qui tint tote la terre dusqu’es vaus de Matron. / Il fu jadis ocis por le plait Ganelon”.
- ⁷³ Ibid. V. 245–250: “Seignor, quel la ferons, franc chevalier baron? / Moulte par est cis rois fel e plain de traïson, / De mal e de voidie e de sujection; / Poi nous leisse de terre que nous tenir doion. / Pres sui que je l’ocie, voiant .m. compaignon, / En bois ou en riviere, ou la ou nous porrons. / Quant nous l’arons ocis, de noiant nous douton”.
- ⁷⁴ Ibid. V. 253–257: “E nous li respondismes: ‘Par ma foi, non feron. / Miex volons tous jors perdre que le roi ocion’ / A ce trai a garant Auboïn e Milon / Que Karles fust ocis se nous l’otroïssons’”.
- ⁷⁵ Aiol. V. 45–48: “Il li toil sat ere e chou qu’il dut tenir, / Et le catcha de France a paine et a essil / Par le conseil Makaire, que ja Dieus n’en ait, / Un mavais losengier, un quiver de put lin”.

- ⁷⁶ Ibid. V. 210–214: “Quant vous venrés en France le signorie, / Gardez vos de Makaiire, Dieus le maudie! / Le sien acointement ne tenés mie, / Car quivers est et fel et plains d’envie; / Il me cacha de France par félonie”.
- ⁷⁷ Ibid. V. 3521–3527: “‘Sire, franc domoiseis, ce dist li rois, / Je voi bien que molt estes preus et cortois. / Vencue as la bataiile et le tornoï; / Molt i appris chevaus et palefrois, / Jamais n’ert un seus jors miex ne t’en soit, / .II. et .IIII. je t’en otroï; / Et Monleun en France et Estanpoic’”.
- ⁷⁸ Ibid. V. 3556: “‘Tais, glous”, dist Loyes, “mais n’en plaidiés. / Fieus a putain, traitres, fel losengiers. / Onques en ton vivant ne fesis bien. / Tel home m’as tolu don’t sui iriés».
- ⁷⁹ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева), ст. 3775–3778. См. в оригинале: Chanson de Roland. V. 3775–3778: “Jo desfiai Rollant le poignëor, / e Oliver e uiz lur cumpaignun; / Carles l’oïd e si noble baron. / Vengét m’en sui, mais n’i ad traïsun”.
- ⁸⁰ Chanson de Roland. V. 609–617: “Un faldestoed I out d’un olifant. / Marsilies fait porter un livre avant: / La lei I fut Mahum e Tervagan. / Co ad juret li Sarrazins espans: / S’en reregarde troevr le cors Rollant, / Cumbatra sei a tresute sa gent, / E, sè il poet, murrat I veirement. / Guenes respunt: ‘Ben seit vostre comant!’”
- ⁸¹ Ibid. V. 520–580.
- ⁸² Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). См. в оригинале: Chanson de Roland. V. 596–600: “Chi purreit faire que Rollant I fust mort, / Dunc perdreit Carles le destre braz del cors, / Si remeindreient les merveilluses oz; / N’assemblerait jamais si grant esforz; / Rere Major remeindreit en repos”.
- ⁸³ Couronnement de Louis. V. 98–109: “Delez le rei sist Arneïs d’Orliens, / Qui molt par fu er orgoillos et fiers; / De grans lozenges le prist a araisnier: / ‘Dreiz emperere, faites pair, si m’oiez. / Mes sires est juvenes, n’a que quinze anz entiers, / Ja sereit morz quin fereit chevalier. / Ceste besogne, se vous pliait, m’otriez, / Tresque’a treis anz que verrons commentiert. / S’il vuelt proz ester ne ja bons ertiers, / Je li rendrai de gré et volentiers, / Et acreistrai ses terres et se fiez’”.
- ⁸⁴ Couronnement de Louis. V. 130: “Le poing senestre li a meslé el chief, / Halce le destre, enz el col li assiet: / L’os de la gole li a par mi brisié; / Mort le trebuchet a la terre a ses piez...”
- ⁸⁵ Couronnement de Louis. V. 1435–1440: “Qui li aportent unes noveles aspres; / Que morz esteit li emperere Charles; / A Looïs sont remeses les marches; / Li traïtor, cui li cors Deu mal lace, / Del fill Richart de Roen a la barbe”.
- ⁸⁶ Ibid. V. 1970sq.
- ⁸⁷ Gaydon V. 43–48: “Thiebaus respond: ‘Je ne le puis amer: ‘Par maintes fois a fait mon cuer irer, / No lingnaige a honi et vergonde, / Gane, mon frère, fist ardoir en .I. ré / Sor Rocheoure, et tout discipliner, / Et Pynabel, mon neveu l’alôsé, / Fist il à eves de chevax trainer’”.
- ⁸⁸ Ibid. V. 101–102: “Toi me ferez en France coroner; / Si voz donrai les riches heritez, / Orliens, et Rains, et Biauvais la cité”.
- ⁸⁹ Ibid. V. 1785–1786: “Rois cuidai iestre de France et de Loon; / Mais Dex ne vault, par son saintisme non”.
- ⁹⁰ Gaufrey. V. 4860–4867: “Et Grifon respondi: ‘Par Dieu de majesté! / Se poveie tant fere qu’il le m’eust donné, / Ains que passast li an i seroit il fremé, / Et en seroit encore courouchié et iré, / Et si seoit Gaufrey et tout mon parenté / Quant il sera moult bien fet et en haut levé, / Hautefeuille ara nom, ainsi l’ai en pensé’”.
- ⁹¹ Parise la Duchesse. V. 20–26: “XII. pers moult felons, / Qui lor seignor murtrirent par moult grant traïson: / Herderez et Aloriz, et Tiebautz d’Aspremont, / Et Pineauz,

- et R [o]giers, et Herveies de Lion. / Pinabiaus et Roers, et Sanses d'Orion; / Cil furent del lignaige al cuvert Ganellon".
- ⁹² Ibid. V. 31–32: "Car, s'elle s'aperçoit son pere mort avon, / Elle nos fera pendre ou ardoir au charbon".
- ⁹³ Ibid. V. 20–40.
- ⁹⁴ Huon de Bordeaux. V. 894–895: "Karles est mors, Diex en soit beneis! / France esr sans oir, si tenrau le país".
- ⁹⁵ Gaydon. V. 454–460: "La traïson deffaut je endroit moi; / Ne la pensaisse, por les memres ardoir. / Li dus Rollans me norri, par ma for; Gel servie bien de cuer en bonne foi; / .VII. anz toz plains li gardai son conroi; / En Roncevaux ou noz fumez destroir. / En la bataill ou ne fumez que troi, / Ce fu Rollans et l'arcevesque et moi."
- ⁹⁶ Gaydon. V. 5375–5376: "Sire, dist Naynmes, ja mar en douterez, / Car tout paraige pass le loiaitez; / Ne nos lingnaige ne fist jor fausetez".
- ⁹⁷ Коронование Людовика (перевод Ю. Корнеева) // Песни о Гильоме Оранжском / изд. Ю.Б. Корнеев, А.Д. Михайлов. М., 1985. Ст. 1913–1915. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1913–1915: "Traître lerre li cors Deut e confonde! / Par quei fiaseis ton dreit segnor tel honte. / Richarz tes pere ne porta onc corone".
- ⁹⁸ Коронование Людовика (перевод Ю. Корнеева). Ст. 1970–1971. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1970–1971: "Ensi deit on traïtor justicier / Qui son segnor vuley traïr et boiser".
- ⁹⁹ Huon de Bordeaux. V. 9558 "Vous volies ester l'autrier .I. de nos peres".
- ¹⁰⁰ Parise la Duchesse. V. 26–88.
- ¹⁰¹ Ibid. V. 102–188.
- ¹⁰² Colliot R. Structure de la trahison dans les diverses versions de la légende de Berte aus grans piés // Essor et fortune de la Chanson de geste dans l'Europe et l'Orient latin. Actes du IXe Congrès international de la Société Rencesvals (Padoue-Venise, 29 Aout – 4 Septembre 1982). Modena, 1984. T. 2. P. 663–678.
- ¹⁰³ Berthe aux grands piés. V. 690–691: "Ains de tele traïson / Puis que de Judas fu nostre Sires vendus".
- ¹⁰⁴ Ibid. V. 2150–2160: "Et Blancheflore s'escrie: 'Harou! traï! traï!'".
- ¹⁰⁵ Macaire. V. 53–55: "Macharie de losane se faite apeler, / Or entendes del traïtor losençer / Como vose li rois onir e vergogner, / E por force avoir sa muler".
- ¹⁰⁶ Gaydon. V. 5391–5393: "Folie faites, que tex gens sortenez. / Par cui France est chéue en tel viltez. / La mort Rollant vostre neveu vendez".
- ¹⁰⁷ Ibid. V. 3162–3164: "Il ainme miex les traïtors failles / Que il ne fait les chevaliers gentiz; / Que loiaument l'ont servi a touz des..."
- ¹⁰⁸ Ibid. V. 3184–3187: "Mais li felon, par lor avoir donner, / Ont fait Karlon del tout si aveugler / Que loiaus hom ne puet riens conquerer. / Li traïtor l'en ont fait fors bouter".
- ¹⁰⁹ Ibid. V. 10142–10144: "Voz amez mieus les parens Ganelon, / Hardré le fel, Amboyn et Milon, / Et le lyngnaige qu'ainz ne fist se mal non / Que nul prend home qui soit en vo maison".
- ¹¹⁰ Ibid. V. 10145–10146: "Karl les l'entent, si baisse le menton / Le traïtres m'ont tellement ensorceles".
- ¹¹¹ Gaufrey. V. 5052–5052.
- ¹¹² Ibid. V. 5118: "Combien a qu'il la server roi Gloriant".
- ¹¹³ Ibid. V. 10051–10052: "Sire, dist dus Naimez, ne le vous dis je mie? / Je vous dis que Grifon est plan de tricherie".

- ¹¹⁴ Huon de Bordeaux. V. 218–250.
- ¹¹⁵ Ibid. V. 9512: “Gerars en oeuvre par mortel traïson”.
- ¹¹⁶ Parise la Duchesse. V. 354–365.
- ¹¹⁷ Ibid. V. 423–425: “Sire, dux San Gile, vers moi entendez, / De cui clanés vos donques ceste bone cite, / Et le fié, et la tere, et tote l’erité...?”
- ¹¹⁸ Ibid. V. 731–733: “Dame, dit Clarembaus, or ne vos estraez, / die an preigne pitie par la soe bonté! / Por amor de Guarnier, vostre pere le ber”.
- ¹¹⁹ Huon de Bordeaux. V. 2816–2817: “Ja sui jou pers de France et du païs, / E vos compains dou ester et vos amis”.
- ¹²⁰ На эту тему см.: *White S.D.* The problem of treason: the trial of Daire le Roux // Law, laity and solidarities. Essays in honour of Susan Reynolds / Ed. by P. Stafford, J. L. Nelson and J. Martindale. Manchester; N.Y., 2001. P. 95–116.
- ¹²¹ Chanson de Roland. V. 698–794.
- ¹²² Gaydon. V. 1782.
- ¹²³ Huon de Bodeaux. V. 2151–2166.
- ¹²⁴ Ibid. V. 9998–10000: “Saciés de voir que, si vous I mores, / Jamais ne quier vostre Diu apeler / ains renoierai sante crestienté”.
- ¹²⁵ Aye d’Avignon. V. 351–352: “Devant le roi jurerent si que François l’oïrent, / Que Garnier vot mordre le roi par felonie”.
- ¹²⁶ Ibid. V. 397–544.
- ¹²⁷ Garin le Loherenc / Ed. A. Iker-Gittleman. P. 1996. V. 6332–6334 : “Tenez, vassal, le cuer de vostre ami, / or le poez et saler et rostir / Onques Garins vers le roi ne mesprist”.
- ¹²⁸ Macaire. V. 1098–1099: “Gran fu la meslée entre Macharie eli can; / Major non vi nesun homo vivan”.
- ¹²⁹ Ibid. V. 1129–1132: “Et cil por Dieu en vait merci criant: “Hé! Gentis rois qui sortos es poissans, / Ne me laissier morir à tel torment! / Un confessor me mandés maintenant, / Qe voi o conter tot lo mon engan”.
- ¹³⁰ См. об этом: *Dessaud E.* Op. cit. P. 23–25.
- ¹³¹ Gaydon. V. 6438ff: “Dist a Guiot: “Biau niés, or entendez: ‘se voz volez faire mes volentez / Et mon commant, la bataille vaintrez. / Et tout ayant a Dammeldeu voez / Que ja à home ne tenras loiautez; / Vo seignor lige ja foi ne porterez, / Les loiuas homes traïssiez et vendez, / Le mal hauciez et le bien abatez, / Se voz à home compaigne prenez, / En devant lui tout adez le loez, / Et enderrier à la gent le blasmer. / Les povres gens laidengiez et gabez, / Les orphelins a tort desheritez... Les vesves dames lor doyares tolez, / Les murtrissores, les larrons souztenez. / Et sainte eglise adez deshonorez, / Prestres et clers fûiez et eschievez, / Rendus et moïnes, par tous les desrobez / Et Cordeliers et Jacobins batez. / Petits anfans en la boe gietez, / Et coïement les prenez et mordez; / S’on ne voz voit, as mains les estraingler, / Les vielles gens empoingniez et boutez, / Ou an visaiges au main les escopez. / Les abéies escilliez et gastez, / Et les nonnains toutes abandonnez. / Et en touz les lieus là où voz esterez / Hardiement mentez et parjurez, Que ja vo foi nul jor ne mentirez / Devant ice que voz oi avex, / Ja à nul jor deconfiz ne serez”.
- ¹³² Ibid. V. 95–105.
- ¹³³ Parise la duchesse. V. 56–59: “xxx pomes ont prises des plus belles del mont. / Il ont prises les pomes, el mortier mis les on[t], / Si les ont destrampées, dedanz [misent poison], / Ses ont avenimées, dedanz [misent poison]”.
- ¹³⁴ Gaydon. V. 153–154: “Je te donrai mon hermin pelison, / Mon palefroi et mon esmeillon”.
- ¹³⁵ Ibid. V. 160–170.

- ¹³⁶ Parise la duchesse. V. 52–54.
- ¹³⁷ Ibid. V. 88–92: “‘Je m’an suis repariés, si vueil mon guardon’. / Et il li respondirent: ‘Et nos le te donron’. / En un pois lo giterent, lo cuvert, le traïtor, / Si que le couz li brise a tot le chaanon. / De cestui est il pais, jamais non iert raison”.
- ¹³⁸ Gaufrey. V. 5070–5085.
- ¹³⁹ Ibid. V. 5085: “Gran merchism dist le roi, refuser ne le quier”.
- ¹⁴⁰ Ibid. V. 5111: “Chel qui a deniers fet auques son talent”.
- ¹⁴¹ Aye d’Avignon. V. 3167–3170: “Milles li Ardenois a tant le roi pramis / E or fin e argent e bons chevaus de pris / Qu’il ot au rois apes de Garnier le marchis; / E li donna la terre au palazin marchis”.
- ¹⁴² Gaydon. V. 1916–1947.
- ¹⁴³ Aye d’Avignon. V. 3207–3209: “Diex ne fist onques hons, se d’avoir est menans, / C’il est bon viandiers et larges despendans, / n’aït le los en cest siècle e le bruit de la gent”.
- ¹⁴⁴ Parise la duchesse. V. 183–193.
- ¹⁴⁵ Ibid. V. 276–290.
- ¹⁴⁶ Песнь о Роланде (пер. Ю. Корнеева). Ст. 282–284. См. оригинал: Chanson de Roland. V. 282–284: “Vairs out les oilz e mult fier lu visage, / Gent out le cors et les costez our larges; / Tant par fu bels, tuit si per l’en esguardent”. См. также V. 3762–3764.
- ¹⁴⁷ Chanson de Roland. V. 605: “Les bras ot lons et les poins bien quarrez, / La face blanche et le vis coulouré / Et les iex vairs comme faucius muez”.
- ¹⁴⁸ Gaufrey. V. 4925–4926: “Qui tel ami aroit bien aroi son talent; / Moult est liée la dame à qui il est amant”.
- ¹⁴⁹ Ibid. V. 4927–4928: “Mès poi sevent de li cuer ne le talent’ / Qu’il veult traï ses frères, qui tant ierent vaillant”.
- ¹⁵⁰ Gaufrey. V. 5005–5014: “Sire, Gaufrey, mon frère, par Dieu, honni nous a. / Dis qu’il fu chevalier, si fort se desréa / Que moi et tous mes frères tous ensemble lessa. / .I. roi a en Sulie que l’en li enseigna, / .I. felon Sarrasin, qui onques Dieu n’ama; / Chil a nom Gloriant; mon frère à li ala. / Ne soi quel vi deable Gaufrey encanté a, / Que devant trestous nous Damedieu renoia, / Et au roi Gloriant pour server s’en ala”.
- ¹⁵¹ Huon de Bordeaux. V. 8912: “Et chil le baise en autel loiauté / Que fist Judas qui traï Damedé”.
- ¹⁵² Ibid. V. 9030–9500.
- ¹⁵³ Ibid. V. 9558.
- ¹⁵⁴ Gaufrey. V. 5377–5378: “Traïstres est me sirez, onques si ne fu hom; / Miex aime .I. traïtour que ne fet .I. predon”.
- ¹⁵⁵ Gaydon. V. 4280–4288.
- ¹⁵⁶ Gaydon. V. 4674–4677: “Dist Savaris: ‘Pere, par saint Simon, / Ainz va d’omme qui mainne traïzon, / Moult me t’en peast se fussiez loaius om, / Mais n’en donroie vallissant .I. bouton’”.
- ¹⁵⁷ Ibid. V. 1786–1790: “Mais Dex ne vault, par son saintisme non, / Nel di por ce, n’en quier avoir pardon, / Ne vers nul prestre nulle confession; / Car en anfer aurai harbergison / Avec mon frer le comte Ganelon”.
- ¹⁵⁸ Ibid. V. 5229–5233: “Li traïtor dient en soupirant: / ‘Seignor baron, soiez lie et joiant, / Ce sont li ange qui l’emportent chantant, A .C. diables il la vont craventant’ / Ce dist Hardrez: ‘Moult, en vous merveillant; / Se anger fussent, il alaissent volant’”.

- ¹⁵⁹ Gaydon. V. 3050–3053: “Li traïtor I furent maintenant trainé, / Tez .III. ou feu les ont et flatiiiz et getez / Li feus fa granz et chanz, tantot fu ambrásé, / Les harmes d’euz s’an vont osteler”.
- ¹⁶⁰ Aye d’Avignon. V. 707: “Nou seron moult grant geste en cele region”.
- ¹⁶¹ Коронование Людовика (пер. Ю. Корнеева). Ст. 16059. См. оригинал: Couronnement de Louis. V. 1605–1609: “Ge te desfi, Richarz, tei et ta terre: / En ton service ne vuelt ore plus estre. / Quant traïson vuels faire ne porquerre, / Il est bien dreiz et raison que i perdes”.
- ¹⁶² В песни “Aliscans” рыцарь Гильом, отбив язычников, произносит следующие слова: “Dieu si vengié, si m’en est molt bon gré” (См.: Aliscans / Ed. F. Guessard et A. de Montaiglon. P., 1870. V. 1062).